

УДК 070.4

DOI: 10.17223/26188422/2/7

Е.В. Перевалова

М.Н. КАТКОВ КАК ДИРЕКТОР ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ

В статье рассматривается деятельность известного русского журналиста М.Н. Каткова в качестве директора Лицея цесаревича Николая, анализируется его вклад в основание и развитие этого учебного заведения, которое стало образцом применения в России классической системы образования. Выявлено, что Катков ответственно подходил к исполнению своих обязанностей, уделял большое внимание как образованию воспитанников, так и их нравственному и физическому воспитанию, благодаря чему из Лицея вышла целая плеяда государственных и общественных деятелей России.

Ключевые слова: *М.Н. Катков, «Московские ведомости», Лицей цесаревича Николая, директор, классическая гимназия*

Михаил Никифорович Катков – едва ли не самая противоречивая и неоднозначная фигура в истории отечественной журналистики и общественной мысли второй половины XIX века. На протяжении более чем тридцати лет – с 1856 по 1887 г. – он являлся редактором-издателем «Русского вестника», одного из самых известных в России общественно-политических ежемесячников, и четверть века возглавлял общероссийскую газету «Московские ведомости», которую в 1863 г. арендовал у Московского университета и быстро превратил из полупроvincialного издания в один из самых влиятельных печатных органов не только России, но и Европы, к мнению которого прислушивались представители политического истеблишмента, культурная элита, ученые, писатели, общественные деятели. Трудно найти другого журналиста и публициста, о взглядах и творчестве которого современниками высказывались бы столь противоположные мнения. Для одних он был «шеф-провокаатор», «предатель страны родной, палач» [1. С. 4], другие видели в нем оракула, судью, провидца [2], «самого лучшего сына России» [3. С. 208] и сравнивали его публицистические выступления с воззваниями Козьмы Минина [4. С. 41–42] и

речами Цицерона [5. С. 16]. В глазах многих коллег-журналистов Катков был человеком без твердых убеждений и последовательной системы взглядов, весь талант которого состоял в умении «ловить моменты» и всегда и во всем руководствоваться исключительно личной выгодой и своекорыстными расчетами [6–9]. Но в то же самое время его называли «трибуном со Страстного бульвара», «львовростным кормчим» [10. Т. 11. С. 159–162], «московским громовержцем» [11. Т. 2. С. 192], видели в нем пример общественного деятеля, который «должен ободрять, должен каждому показывать, что нечего жаловаться на невозможность действия» [12. Т. 2. С. 438].

В последние годы своей жизни журналист получил несколько знаков отличия и наград, которые поставили его вровень с представителями высшей государственной власти: в 1882 г. он был произведен в чин тайного советника, т.е. третий по Табели о рангах гражданский чин, соответствующий военным званиям генерал-лейтенанта и вице-адмирала; в 1883 г. был награжден орденом Святой Анны первой степени, в 1886 г. – орденом Святого Владимира второй степени, причем награждение орденами высшей степени состоялось, минуя низшие, что бывало лишь в исключительных случаях. Подобного чина и орденов удостоивались, как правило, лица, занимавшие высшие государственные должности, например, министр, товарищ министра, руководитель департамента, сенатор, а также представители научной элиты: ректоры университетов, профессора, академики. Так, чин тайного советника имели ректор Московского университет С.М. Соловьев, профессор Московской духовной академии Н.И. Субботин, профессор Московского университета М.П. Погодин и др.

Что означало производство журналиста в столь высокий чин и награждение его высшими орденами Российской империи? Можно ли утверждать, что это явилось признанием его заслуг как редактора и публициста? С другой стороны, не служили ли эти знаки «высочайшей милости» свидетельством той самой «конъюнктуры» и «официозности» журналиста, его союза с властью, в чем противники и конкуренты постоянно обвиняли издателя-редактора «Московских ведомостей» и «Русского вестника»?

Безусловно, получение генеральского чина и высоких орденов словно бы подтверждало факт влияния Каткова, которого в 1880-е гг. называли «государственным деятелем без государственной долж-

ности», «подспудным премьером» [13. Т. 3. С. 445], на ход государственных дел. Однако если обратиться к наградным документам, то можно обнаружить, что все чины и ордена были получены Катковым как директором Лицея цесаревича Николая. Это учебное заведение было основано журналистом в 1868 г. совместно с профессором римской словесности Московского университета П.М. Леонтьевым, который был не только его давним другом, но и коллегой, соиздателем и соредактором «Русского вестника» и «Московских ведомостей». С первых же дней Лицей имел характер элитарного учебного заведения: по личному распоряжению Александра II он носил имя цесаревича Николая – старшего сына императора, скоропостижно скончавшегося весной 1865 г. [14. С. 4–7], его покровителем являлся наследник престола – будущий император Александр III. Официальное уведомление о столь высокой чести было получено Катковым в феврале 1868 г. и подписано товарищем министра императорского двора генералом А.В. Адлербергом [15]. Немаловажно, что, уже будучи императором, Александр III продолжал оказывать поддержку Лицею. Здесь неоднократно бывали члены императорской семьи, высокопоставленные государственные деятели, причем как российские, так и иностранные. Так, на торжественной церемонии освящения нового здания на Остоженке в августе 1875 г. присутствовал лично Александр II [16], а в мае 1884 г. Лицей посетил и Александр III. Все эти факты словно бы подчеркивали привилегированный статус Лицея и «особые» заслуги его основателя и директора: в приказе о производстве в чин тайного советника Катков фигурировал как директор и основатель Лицея [17], в рескриптах о пожаловании орденов в первую очередь указывались его заслуги в деле просвещения и воспитания: «В ознаменование Вашего непоколебимого верного служения престолу на поприще общественной и учебно-воспитательной деятельности» [18. С. 133], «цена как плодотворную деятельность вашу на учебно-воспитательном поприще, так и постоянное, неустанное рвение, с коим вы в течение целого ряда лет неуклонно стремились всеми зависящими от вас средствами к укреплению в умах ясного понимания истинных начал государственной жизни» [19. С. 134]. Ни в одном из этих документов не упоминалась деятельность Каткова как журналиста и редактора. Точно так же – по личному распоряжению императора Александра III, «в качестве директора Лицея цесаревича Николая, кото-

рый состоит в разряде высших учебных заведений и имеет право на место за университетом» [20. С. 348] – Катков присутствовал на торжественной коронации, состоявшейся 27 мая 1883 г. в Москве: это честь, которой удостоивались лишь избранные. Если судить по этим документам, именно пост директора Лицея позволил Каткову получить высокие чины и государственные награды, открыл перед ним многие двери, дал возможность получить такие знаки «монаршей милости», каких он вряд ли мог быть удостоен даже в качестве издателя-редактора столь влиятельной и авторитетной газеты, какими были «Московские ведомости».

В данной статье сделана попытка рассмотреть деятельность М.Н. Каткова в качестве директора Лицея и выявить, насколько велик был его вклад в деятельность этого учебного заведения, определить, не была ли эта должность лишь своего рода синекурой, формальным прикрытием для получения государственных чинов, наград и разного рода привилегий. При написании статьи были использованы публикации «Московских ведомостей», воспоминания Ю.С. Карцова, А.А. Плансона, П.М. Вишнякова, В.А. Грингмута, О. Еленского, Н.А. Любимова, Д.А. Перелешина, С. Уманца и других современников М.Н. Каткова, хранящиеся в архивах НИОР РГБ и ранее не публиковавшиеся письма Б.М. Маркевича, П.М. Леонтьева, М.Н. Каткова, М.П. Погодина, А.В. Адлерберга, А.А. Киреева и другие документы: устав Лицея цесаревича Николая, рескрипты о награждении М.Н. Каткова орденами и т.д.

В первую очередь следует ответить на вопрос о том, зачем М.Н. Каткову, все силы которого были поглощены изданием ежемесячного «толстого» общественно-политического и литературного журнала и ежедневной общероссийской газеты, к которой в течение нескольких лет выпускалось еще и еженедельное приложение «Современная летопись», понадобилось открывать учебное заведение, заботы о котором лишили его и без того очень ограниченных часов свободного от издательских трудов времени?

Основание Лицея пришлось на период ожесточенных споров в педагогической среде, главным предметом которых стала гимназическая реформа, осуществленная в 1864 г. по инициативе А.В. Головнина, бывшего в ту пору министром народного просвещения. В ходе реформы произошло разделение гимназий на классические и реальные: в первых основательно изучалась античная куль-

тура и древние языки (латинский и древнегреческий), во вторых преобладали математика и естествознание. В спорах с «реалистами», т.е. сторонниками реальных гимназий, М.Н. Катков убежденно отстаивал классическую систему образования как в наибольшей степени способствующую формированию интеллекта и культуры в самом глубоком смысле этого слова. Лицей цесаревича Николая должен был стать образцом и примером «опыта полного применения классической системы на русской народной почве» [21].

Но проблема реформирования отечественной средней школы рассматривалась Катковым гораздо шире, нежели вопрос об учебных планах и программах. Он полагал, что главной целью образовательной политики государства должно стать создание высокообразованного слоя, преданного престолу и Отечеству и способного направить развитие страны по эволюционному пути. И потому задачи нового учебного заведения заключались не только в образовательных функциях: Лицей цесаревича Николая был призван, с одной стороны, давать фундаментальное образование, с другой – формировать определенный уровень мировоззрения – задача, с которой, по мнению Каткова, не могли справиться существующие в стране казенные гимназии. Поэтому он стремился избавить новое учебное заведение от какого бы то ни было бюрократического контроля со стороны официальных ведомств, и прежде всего – со стороны Министерства народного просвещения. Разработанный М.Н. Катковым совместно с П.М. Леонтьевым проект нового учебного заведения был подвергнут пристальному изучению со стороны представителей высших государственных инстанций, которые неоднократно предпринимали попытки внести в него ряд изменений, искажающих первоначальный замысел создателей. Если новый министр народного просвещения граф Д.А. Толстой, сменивший в апреле 1866 г. на этом посту А.В. Головнина, относился к идее классического лицея вполне благожелательно и был отнюдь не против его независимости от министерства, то министр внутренних дел граф П.А. Валуев и министр юстиции граф К.И. Пален выступали самыми серьезными и упорными противниками идеи издателя «Московских ведомостей» и настаивали на «безусловном подчинении» учебного заведения Министерству народного просвещения [22. С. 4.]. Лишь покровительство кого-либо из членов императорской семьи могло бы гарантировать Лицею независимость от навязчивой казенной опеки,

и именно этим объясняются настойчивые попытки М.Н. Каткова добиться «монаршей милости». «Это представляет для Вас лучшее обеспечение, какое только можно найти», – советовал Каткову писатель Б.М. Маркевич, который служил в Министерстве народного просвещения и имел возможность сообщать журналисту о борьбе, которая велась в преддверии открытия Лицея. В течение двух лет Катков продолжал неустанно хлопотать, ему пришлось приложить немало усилий и даже воспользоваться имеющимся у него правом писать лично императору [22. С. 4], и, наконец, он добился своего: в феврале 1868 г. Александр II, несмотря на противодействие многих сановников, назначил попечителем Лицея своего наследника – великого князя Александра Александровича [23].

Однако даже после этого основные организационные принципы нового учебного заведения продолжали внушать серьезные опасения представителям высшей российской бюрократии. Так, рассмотрение устава Лицея в Департаменте законов Государственного совета вызвало весьма серьезные возражения и стало предметом ожесточенных споров: статс-секретарь В.П. Бутков выступал против независимости Лицея от Министерства народного просвещения, князь С.Н. Урусов протестовал против участия председателя судебной палаты в Совете Лицея, барон М.А. Корф был решительно настроен против бесцензурного издания учебных пособий Лицея, наконец, граф С.Г. Строганов «говорил против самого основания устава, выражая ту мысль, что “Катков и Леонтьев могут оказаться неблагонамеренными и противниками правительства в их журнальной деятельности, а потому основательно ли предоставлять этим лицам такие исключительные преимущества в деле воспитательном?”» [24. С. 7]. Возражения М.А. Корфа и С.Н. Урусова были приняты во внимание, но в целом решение Департамента законов было в пользу Каткова и Леонтьева: «Утвердить устав Лицея цесаревича Николая в главных его основаниях, – в подробностях же его предоставить Министру народного просвещения сделать изменения согласно с замечаниями Департамента» [24. С. 7]. «Мне кажется, устав Ваш составлен был слишком откровенно, и Вы, при составлении его не имели в виду недоброжелательства здешних государственных мудрецов, – писал Каткову из Петербурга Б.М. Маркевич. – Не заручись Вы заранее согласием государя на учреждение этого

заведения в память покойного цесаревича, Вы можете быть уверены, что Вам бы здесь не пропустили ни единой статьи устава» [25. С. 7–8].

Однако и после решения Департамента законов судьба Лицея все еще оставалась неопределенной: один из самых упорных оппонентов М.Н. Каткова – председатель Государственного совета великий князь Константин Николаевич – едва не отказал в слушании дела об утверждении устава Лицея в Общем собрании Госсовета. Всеведущий Б.М. Маркевич сообщал в Москву, что, увидев в реестре заседания название Лицея, великий князь «так и заходил весь: “что это за Лицей, что за катковские выдумки, вздор, чепуха” и проч.». Несмотря на аргументы госсекретаря Д.М. Сольского, что устав Лицея уже предварительно одобрен государем, что наследник принял его попечительство и пр., князь «все кричал, что пропустить этого дела нельзя, нельзя утвердить учреждение, не обеспеченное в своих средствах» [26. С. 18]. Но, несмотря на противодействие великого князя, устав Лицея был утвержден 26 апреля 1869 г. в Общем собрании Государственного совета без каких-либо изменений. Покровительство наследника престола великого князя Александра Александровича позволило поставить новое учебное заведение за пределы бюрократической рутины, пристальной административной опеки и канцелярщины и сделало возможным применять в Лицее новые образовательные технологии без оглядки на шаблонный формализм министерских требований [27].

О том, какой поддержкой и доверием пользовалось новое учебное заведение в среде столичного образованного общества, свидетельствует сохранившаяся в архивах НИОР РГБ переписка. Так, профессор М.П. Погодин в канун открытия Лицея восторженно писал Каткову: «Под семьдесят мне, а я все еще фантазер и меня тронуло известие (сию минуту я прочел его), что ваш новый Лицей открывается в том доме, где учился и шел через нужду сам основатель, год жил Павлов. Где мы столько тосковали с ним и с Надеждиным об университете и просвещении, где я учил и начал писать для воспитанников русскую историю, где Муравьев, старик, оставил свои воспоминания. Поздравляю, желаю всякого успеха для пользы общей и прошу записать в число воспитанников моего внука Михаила Дмитриевича Погодина» [30. С. 39]. «Решаюсь обратиться к Вам непосредственно, с убедительной просьбой, с просьбой не о каком-

либо случайном одолжении, – а о настоящем благодеянии, – обращался к основателям Лицея Ф.И. Тютчев, ходатайствуя о принятии в открытое ими учебное заведение сына своего покойного друга. – При тех условиях, в которые он поставлен, ему, более чем кому другому, нужно хорошее образование, а где же в целой России – могу я надеяться, будет дано ему таковое, как не в вашем замечательном заведении?» [31]. «Нигде, ни в каком другом учебном заведении не прилагается столько разумных и, можно сказать, родственных забот о физическом, умственном и нравственном благосостоянии детей, как у Вас и именно Вами самими», – писал член совета министра народного просвещения А.И. Георгиевский, дети которого учились в Лицее [32].

Обучение в Лицее цесаревича Николая было основано на лучшем отечественном и зарубежном образовательном опыте. В нем отсутствовала казенная регламентация, а к каждому воспитаннику осуществлялся индивидуальный подход. «Лицей своей главной задачей ставляет именно индивидуальное воспитание. Вверенные ему воспитанники не должны быть бумажными номерами, которые все подгибаются под один уровень, под одно неумолимое правило. Каждый должен быть для него сам по себе целью и представлять собою личность, требующую особого обращения, особого ухода, особых приемов» [28], – эти слова Каткова, сказанные им на торжественном заседании в честь десятилетия со дня основания Лицея, можно рассматривать как выражение одного из самых важных принципов этого учебного заведения, на основе которого формировалась вся его педагогическая и воспитательная деятельность. Древние языки преподавались в Лицее в большем объеме, нежели в других «классических» гимназиях, но система обучения была поставлена совершенно иначе, без жесткой регламентации, зубрежки и «начетничества», в результате ученики старших классов Лицея свободно читали и понимали любого древнего автора, чего выпускники любой другой гимназии никогда не достигали. «У нас были отборные преподаватели древних языков, и самая система преподавания отличалась от гимназической: нас не мучили грамматикой и вводили в изучение классиков очень умело и успешно. Нас постепенно приучали читать латинский и греческий текст *a livre ouvert*¹, и мы

¹ Как открытую книгу (*франц.*).

уже в VI классе изрядно разбирали Горация», – вспоминал впоследствии один из выпускников Лицея [29. Т. 12. С. 1017]. При этом лицеистов не перегружали домашними заданиями, количество и объемы которых были умеренными, но все задания являлись обязательными для исполнения, а для отличников существовали дополнительные задания повышенной сложности. Все это должно было способствовать формированию самостоятельного мышления и навыков научной деятельности. Не удивительно, что не только сторонники, но даже и противники классической системы образования считали Лицей образцовым учебным заведением и стремились записать своих детей в ряды его учеников.

Курс обучения в гимназических классах Лицея был рассчитан на восемь лет, а затем выпускникам предлагался трехгодичный лицейский курс, приравнивавшийся к университетскому и организованный по трем отделениям: историко-филологическому, математическому и юридическому, после чего они, пройдя публичные экзамены в Московском университете, получали права выпускников университетов. Преподавателями в Лицее служили профессора Московского университета, Московской консерватории и других учебных заведений. Так, здесь преподавали немецкий филолог-классик, теоретик музыки и переводчик Рудольф Вестфаль, профессор физики Московского университета Н.А. Любимов, профессор математики Петровской сельскохозяйственной академии Я.Я. Цветков, декламацию вел артист Малого театра И.В. Самарин и др.

Существовавший при Лицее пансион, рассчитанный на небольшое число пансионеров, имел характер семейный, для занятий во внеучебное время были предусмотрены «туторы» – индивидуальные наставники, в задачи которых входила забота об образовании, воспитании, физическом развитии воспитанников. Особое внимание уделялось здоровью учеников, причем соблюдались жесткие гигиенические требования: в классе лицеисты должны были проводить не более двух часов подряд, между занятиями были введены значительные промежутки, во время которых были обязательные физические упражнения и гимнастика.

Подобный подход к организации учебного процесса требовал соответствующих условий, которые не могли быть обеспечены в помещениях дома бывшего дворянского клуба на Большой Дмитровке, где Лицей располагался в первые годы. Поэтому с первых же

дней встала задача приобретения собственного здания, в котором можно было бы создать для воспитанников комфортную среду для обучения и проживания. Как свидетельствует переписка М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева с Б.М. Маркевичем, в своих многочисленных хлопотах купить уже готовый дом они столкнулись со значительными затруднениями: в Москве было сложно найти особняк, состояние которого соответствовало бы всем условиям, необходимым для размещения в нем учебного заведения [33–38]. Так, при посредничестве Б.М. Маркевича Катков вел переговоры с герцогиней Е.М. Мекленбург-Стрелицкой, дочерью великого князя Михаила Павловича, которая после смерти в 1873 г. матери – великой княгини Елены Павловны – выставила на торги доставшийся ей по наследству московский дом. Эта попытка также оказалась безуспешной, хотя Катков соглашался на все условия продавца и готов был заплатить запрашиваемые управляющим конторой герцогини 100 тысяч рублей, что представляло по тем временам весьма значительную сумму.

После нескольких неудачных попыток приобрести уже готовый особняк М.Н. Катковым было принято решение построить собственное здание, специально предназначенное для Лицея. Было куплено четыре десятины земли в районе Остоженки, где и началось весьма быстрое строительство, и уже осенью 1875 г. воспитанники Лицея начали заниматься в новом помещении. Новое здание Лицея состояло из четырех соединенных между собою четырехэтажных корпусов, где были предусмотрены просторные, светлые классы, зал для торжественных церемоний, гимнастические залы, зал для обучения фехтованию, 50 отдельных комнат для воспитанников-пансионеров, были своя церковь, баня, больница, где дежурил постоянный врач – профессор Московского университета В.И. Ельницкий, имевший в здании Лицея свою квартиру. В расположенную на четвертом этаже столовую кушанья подавались с помощью специальной подъемной машины, причем «порционного питания» и каких-либо ограничений в еде не было. Огромный дом был окружен садом, где воспитанники могли играть в лапту, крикет, футбол и т.п., спортивные принадлежности для игр выписывались из Европы. Ученикам разрешалось покупать лодки и кататься на них по Москве-реке. Не было лишь верховой езды, обучение которой было слишком дорогостоящим.

Однако строительство нового здания, не говоря уже о его оснащении и оборудовании, потребовало значительных денежных издержек. Первоначальный капитал учебного заведения состоял из двадцати тысяч рублей, пожертвованных его основателями – Катковым и Леонтьевым (по десять тысяч каждый), и должен был пополняться за счет благотворительных пожертвований и средств, поступавших в счет оплаты за обучение. Содержание воспитанников в Лицее обходилось весьма недешево и было доступно лишь мальчикам из обеспеченных семей. Так, обучение пансионера стоило 675 рублей в год, полупансионеры, т.е. те воспитанники, которые находились в Лицее до 8 вечера, платили 500 рублей, а приходящие ученики – 375 рублей [39]. При этом ученики, с отличием окончившие первые классы, могли быть переведены на более умеренную оплату или же вовсе освобождались от нее. Но и высокая плата за обучение, и деньги, изначально внесенные основателями, не окупали всех расходов Лицея и уж тем более их было недостаточно для строительства собственного здания.

На помощь Каткову пришла общественная инициатива: серьезную материальную поддержку Лицею оказали московские предприниматели С.С. Поляков, П.Г. фон Дервиз и др. частные лица, благодаря чему к 1874 г. капитал заведения составил свыше 200 тысяч рублей [40. С. 5]. Но даже этих средств оказалось недостаточно, вследствие чего Каткову пришлось обратиться в Московское городское кредитное общество и взять долгосрочный кредит в сумме 480 тысяч рублей. Выплата в течение многих лет этого долга и процентов по кредиту (срок погашения кредита истекал лишь в 1898 г.) – 36 тысяч 600 рублей ежегодно – легла весьма тяжелым бременем на бюджет учебного заведения, несмотря на то, что все поступающие на счет Лицея средства расходовались разумно и весьма экономно.

В поисках средств для погашения кредита М.Н. Каткову вновь пришлось обратиться к помощи высокопоставленных лиц в правительстве, в результате чего ему удалось получить государственную субсидию. Ежегодно предоставляемая правительством сумма в размере 23 тысяч рублей составляла почти две трети ежегодного платежа, а оставшиеся 10 тысяч 600 рублей покрывалась из доходов Лицея и за счет пожертвований. Выделяемые Лицею правительством денежные средства дали повод для обвинений журналиста

в стремлении «нажить капитал» за счет Лицея, в эксплуатации доходов учебного заведения в свою пользу. Недоброжелатели утверждали, что «вся сила Лицея в его привилегиях», а студенты Лицея «оказываются даже не способными к продолжению университетского курса» [41. С. 218–219]. Когда же в январе 1887 г. пост министра финансов занял близкий редакции «Московских ведомостей» И.А. Вышнеградский, выходец из духовного звания, то в аристократических кругах Петербурга это назначение связывали с желанием Каткова передать в казну Лицей цесаревича Николая, называли «последней картой, брошенной Катковым, последним его выстрелом» и предрекали «полное банкротство катковских теорий» [42. С. 5]. После смерти Каткова в 1887 г. даже возник слух о том, что он издержал на собственные надобности 100 тысяч рублей, составляющие капитал Лицея, оставив, таким образом, заведение на грани банкротства.

Подобного рода обвинения, как и сами денежные обязательства, очень тяготили Каткова, человека по натуре очень независимого и щепетильного. «За Лицей я перед всеми в ответе и от всех в зависимости, – писал он министру народного просвещения Д.А. Толстому. – Чтобы поддержать и ограждать его, помогать и способствовать ему, я должен во все стороны кланяться, чуть не подличать. Это уже очень тяжело. Всякое добро, сделанное Лицею, всякая, по моей просьбе, оказанная ему услуга ставится мне в особое одолжение и записывается на мой счет. Все это не только тяготит меня лично, но и стесняет другую мою общественную деятельность, которая требует возможно большей независимости» [43. С. 47–54]. Если принять во внимания упреки и нарекания в ангажированности и приспособленчестве, которые на протяжении всей журналистской деятельности М.Н. Каткова постоянно высказывались его политическими противниками и конкурентами, то можно представить, каким тяжелым грузом казались ему эти выплачиваемые Лицею 23 тысячи правительственной субсидии.

На наш взгляд, звучавшие в адрес М.Н. Каткова обвинения в личной заинтересованности и в расходовании выделяемых Лицею средств на собственные нужды не имеют под собой никаких оснований. Прежде всего следует отметить, что в основе учебной и финансовой деятельности Лицея лежал принцип публичности и гласности. Все поступающие на счет Лицея суммы, как значительные, так

и весьма умеренные, с точностью до полкопейки, вносились в приходно-расходные книги и строго учитывались, кассирами велась строгая и своевременная отчетность, которая, с одной стороны, подлежала проверке со стороны контролирующих органов, а с другой – отчеты о финансовой деятельности Лицея ежегодно публиковались в «Московских ведомостях». Здесь же регулярно публиковались отчеты учебной части, печатались программы вступительных экзаменов, информация об изучаемых дисциплинах и т.д. «Мы работаем почти публично, может быть, допускаем даже излишек гласности в своих отчетах. Нет на свете заведения, которое было бы более доступно, чем наше, не только во время экзаменов, но и во время учения, и даже на первых неделях учебного года», – в этих строчках не было ни малейшего преувеличения [44]. Когда в 1887 г. Катков ушел из жизни, Лицей представлял вполне благоустроенное заведение, обеспеченное всем необходимым оборудованием и фундаментальной библиотекой, и не нуждался в каких-либо дополнительных денежных ресурсах, кроме тех, что выплачивались Московскому кредитному обществу. Долг по кредиту предстояло погашать еще в течение двенадцати лет, однако предусмотрительный Катков в случае крайней необходимости планировал продать часть принадлежащей Лицею, но не используемой земли, что позволило бы изрядно уменьшить сумму ежегодного платежа. Словом, материальное положение Лицея было весьма устойчивым, и слухи о банкротстве не имели под собой основания.

Все свободные средства Лицея использовались в пользу его воспитанников. Так, с 1872 г., когда доход учебного заведения составил весьма значительную сумму, на первые же «оказавшиеся в избытке» деньги при нем была учреждена Ломоносовская учительская семинария, в которой бесплатно на полном содержании обучались и воспитывались даровитые мальчики из народа, взятые преимущественно из народных училищ, а Лицей при этом осуществлял опекунские функции и обязывался довести воспитанников, окончивших курс, до приобретения прав на должность учителя гимназии [45]. Первый набор в Ломоносовскую семинарию составил 19 человек [46], и таким образом обучаться в нем смогли не только дети политической, финансовой и культурной элиты России, но и представители низших сословий. Когда первые опыты обучения в семинарии оказались не слишком удачными (мальчиков принимали в слишком ран-

нем возрасте), то Катков принял решение упразднить ее и вместо этого «принимать на стипендии оказавшихся наиболее способными из учеников 5-го или 6-го класса как самого Лицея, так и гимназий, и вести этих отборных юношей до конца университетского курса с тем, чтобы образовать из них людей науки, которые бы со временем могли послужить обновлению и улучшению наших профессорских коллегий» [47. Т. 4. С. 30–32].

Внимательный анализ сохранившихся документов подтверждает, что ни М.Н. Катков, ни его коллега и друг П.М. Леонтьев не преследовали никакой коммерческой выгоды. Они отнюдь не стремились превращать Лицей в выгодное коммерческое предприятие, а, напротив, рассматривали свое участие в нем как общественную деятельность. В уставе Лицея изначально содержался пункт, согласно которому Лицей не являлся частной собственностью основателей и с ним не могли быть связаны никакие частные материальные выгоды, но оговаривалось, что Катков и Леонтьев будут иметь в нем «право распоряжения» [21]. Согласно Уставу Лицея, его доходы распределялись следующим образом: 5 процентов шло на приращение капитала Лицея, 15 процентов – на стипендии и премии воспитанникам, 10 процентов – в пользу Каткова и Леонтьева, а остальными доходами распоряжалось Правление Лицея «в видах пользы учреждения и только обязано давать ежегодно в распоряжениях своих подробный отчет Совету Лицея» [45].

Но даже от этих десяти процентов вознаграждения и Катков, и Леонтьев сразу же отказались, и следующие им по этому пункту устава суммы в дальнейшем оставались в распоряжении Лицея и использовались на премии воспитанникам или шли на оплату обучения малообеспеченных учеников. Так, только с 1876 по 1886 г. сумма перечисленного Катковым в пользу Лицея вознаграждения составила 45 тысяч 709 рублей [40. С. 3].

Кроме того, ни Катков, ни Леонтьев не получали жалованья за свой труд по организации и обустройству Лицея, а также отказались от гонорара за преподавание в нем. Замечательно, что Катков никогда не пользовался имеющимся у него правом бесплатного обучения в Лицее собственных детей. Его четверо сыновей получали образование в Лицее на общих основаниях, и размеры вносимой за их обучение платы ничем не отличались от оплаты за обучение других

воспитанников. За 1876–1886 гг. эта сумма составила 30 тысяч 122 рубля [40. Л. 4].

М.Н. Катков не только отказался от каких-либо доходов от деятельности Лицея, но, помимо внесенных им 10 тысяч рублей, в дальнейшем еще неоднократно пополнял счета заведения из собственных средств. Так, в 1881 г. он перечислил на счет Лицея более 21 тыс. руб., которые были ему выплачены Комитетом Государственного контроля в качестве компенсации за понесенные «Московскими ведомостями» убытки от ненапечатанных в газете казенных объявлений [48]. Ему, как директору Лицея, неоднократно приходилось вкладывать собственные средства, если возникала необходимость в каких-либо неожиданных, непредусмотренных тратах, на которые в кассе Лицея не находилось денег. В 1876–1886 гг. сумма таких «текущих незапланированных расходов», которые были оплачены непосредственно самим Катковым, составила 26 тысяч 149 рублей [40. С. 4]. Кроме того, он за собственный счет печатал в арендуемой им типографии Московского университета всевозможные бланки и документы для Лицея, большое количество учебной литературы и других книг для лицейской библиотеки, передавал в нее безвозмездно по несколько экземпляров «Московских ведомостей» и «Русского вестника». Эти траты не вписывались в кассовые книги Лицея, и потому подсчитать эти суммы сейчас не представляется возможным, однако несомненно, что типографские расходы были весьма значительными.

Нередко М.Н. Катков оплачивал обучение в Лицее детей сотрудников «Московских ведомостей». Так, например, сын корреспондента газеты Е.Л. Кочетова продолжал обучаться в Лицее за счет средств Каткова даже после того, как его отец был вынужден покинуть редакцию из-за разногласий с редактором [49. С. 339]. Катков проявлял трогательную заботу о каждом воспитаннике Лицея, зачастую из собственных средств оплачивал содержание талантливых мальчиков из народа, платил за их лечение и т.п. Об одном из таких воспитанников Ф.М. Достоевский писал жене в Старую Руссу: «При Лицее есть Ломоносовские стипендиаты. Этот Лицей содержит даром из сирот беднейшего класса, но дает им высшее образование. Один ученик, Александров, страдает золотухой, болью в ноге и проч. Ему 15 лет. Доктора решили – выключить из Лицея. Катков по доброты сердца и на свой счет, не выключая, посылает его в Старую

Руссу (завтра). Но не знает совсем, куда и как послать. А потому посылается формальная (не от Каткова) казенная бумага от Лицея к Рохелю¹ – в том смысле: что вот, дескать, воспитанник Александров, под ваше покровительство и т.д., поместите удобнее, лечите и пришлите счет содержания. Так они и сделают. Но Катков особенно просит меня и тебя принять в этом деле участие, т.е. (это я говорю) или позвать к себе, или отправиться тебе самой к Рохелю и предупредить об воспитаннике Александрове; и чтоб он особенно взял бумагу Лицея во внимание (не с Катковым же ему ссориться). Но так как в бумаге просят Александра и поместить, и кормить, а не только что лечить, то допытайся у Рохеля, какие он может сделать распоряжения, чтоб приютить мальчика. Если же возможно, прибавил Катков, то нельзя ли нанять ему квартиру, где-нибудь у какого-нибудь священника, который бы надзирал над ним и проч., а он бы лечился тем временем. – Главное в том, что воспитанник вовсе не аристократ, а из беднейшего народного сословия. Катков прибавляет, что очень не худо, если б Рохель представил счет поскромнее, потому что за этого мальчика некому платить, сказал Катков, у него ничего нет, и плачу за него лишь я» [50. С. 263]. Как видно из письма Достоевского, Катков совершенно бескорыстно помогал своему ученику, оказывал ему не только материальную поддержку, но и старался сделать так, чтобы мальчик во время пребывания на лечении был окружен вниманием и заботой. Пожелание «представить счет поскромнее» не стоит рассматривать как проявление прижимистости или крохоборства Каткова: Старорусский курорт посещали представители великосветского бомонда, в т.ч. и члены императорской семьи, и потому лечение даже по самым скромным счетам обходилось там весьма недешево. Благодаря совместным стараниям М.Н. Каткова и Ф.М. и А.Г. Достоевских Анатолий Александров прошел курс лечения в лечебнице доктора А.А. Рохеля и затем успешно окончил Лицей. Впоследствии им были написаны любопытные воспоминания о знакомстве с семьей Достоевских в Старой Руссе и о работе писателя над романом «Братья Карамазовы» [51. Т. 1. С. 54–56].

В первые несколько лет существования Лицея труды по его организации Катков делил с П.М. Леонтьевым, своим давним другом

¹ *Рохель (Роихель)* А.А. – доктор, директор Старорусских минеральных вод.

и коллегой. Их совместная деятельность как в Лицее, так и в редакции «Русского вестника» и «Московских ведомостей» являла собой пример изумительного единомыслия и единодушия, они дополняли друг друга настолько, что, по признанию самого Каткова, «неизвестно было, где кончается один и начинается другой» [52. С. 155–156]. Именно П.М. Леонтьев был первым директором Лицея, и в первые годы большая часть хлопот лежала именно на нем. Даже недруги Леонтьева отдавали должное его педагогическим способностям и трогательной заботе о Лицее и его воспитанниках. «Он всю свою душу положил на основанный им лицей, внимательно и отечески следил за каждым учеником, – вспоминал Б.Н. Чичерин. – Нередко, когда кто из них занемогал, он по ночам приходил спать возле больного» [7. С. 165]. Однако главой в этом дружеском союзе всегда оставался Катков, тогда как Леонтьев никогда не стремился выходить на первый план, всегда оставляя инициативу и роль лидера своему товарищу. Публицист В.А. Грингмут, преподававший в Лицее древние языки, характеризовал Леонтьева как «творца» Лицея, а Каткова – как его «вдохновителя» [53]. Может быть, именно поэтому Лицей с первых же дней получил неофициальное название «катковского» [54. Т. 5–6. С. 192], точно так же, как позиция «Московских ведомостей» всегда ассоциировалась с передовыми статьями Каткова, а роль Леонтьева в них оставалась мало кому заметной. Однако было бы несправедливо делать вывод, что Катков в первые годы меньше своего коллеги и друга заботился о делах Лицея. Все, кто был хорошо знаком с редактором «Московских ведомостей», отмечали, что он «любил детей, никогда не пропускал случая беседовать с ними, не только в Лицее, но и при всяких встречах» [55. С. 296–298]. Весьма вероятно, что М.Н. Каткову, отказавшемуся ради журналистской и издательской деятельности от преподавания в Московском университете, работа в Лицее была необходима, чтобы возместить те возможности, которые могла бы ему предоставить университетская кафедра, компенсировать тот недостаток непосредственного общения с молодежью, который стал неизбежным следствием его погруженности в редакционные дела.

О том, насколько М.Н. Катков внимательно, чутко и ответственно относился к Лицею, свидетельствуют его письма, написанные Леонтьеву во время частых деловых поездок в Петербург. В них, наряду с редакционными и типографскими проблемами, вопросами, связан-

ными с борьбой вокруг образовательной реформы, немало места занимают вопросы, связанные с жизнью Лицея: поиск педагогов, согласование учебных программ, денежные неурядицы и т.п. [56].

После скоропостижной кончины Леонтьева в марте 1875 г. Каткову, который до этого момента являлся лишь членом правления, пришлось самому возглавить Лицей (любопытно, что официальное извещение о назначении его директором «со всеми служебными правами и преимуществами, должности главного учителя (директора) сего заведения присвоенным, и с освобождением его от преподавания» было получено лишь в августе 1879 г.) [57]. По его собственному признанию, он занял официальное положение директора Лицея «лишь по необходимости» [58. С. 47–51], ввиду крайних обстоятельств. Все обязанности, начиная от разработки учебных планов, подбора преподавателей, общения с родителями воспитанников до обустройства только что построенного нового здания на Остоженке, а также финансовые хлопоты легли на плечи Каткова, уже и без того перегруженного работой по изданию газеты и журнала. «Это целый мир забот, хлопот и ответственности. Правление Лицея убыло в силах на всю величину Павла Михайловича, и дела стало гораздо больше, чем при нем, – писал Катков министру народного просвещения Д.А. Толстому. – За все в ответе я один. И ученье, и репрезентация, и *be contentieux*, и судебные процессы, объяснения с родителями – все лежит на мне безраздельно, все, начиная с дворников до научных занятий студентов по трем факультетам» [43. С. 47–54].

Несмотря на занятость в редакции «Московских ведомостей» и «Русского вестника», загруженность делами в университетской типографии, Катков старался вникать во все мелочи лицейского быта, переписывался с родителями учеников, очень внимательно относился к настроениям и душевному состоянию своих воспитанников, стремясь к тому, чтобы Лицей стал для них настоящим родным домом. Об этом сохранились многочисленные воспоминания в мемуарах как бывших лицейцев, так и преподавателей Лицея [53, 59–61]. «От семьи лицейцев – дорогому отцу», – эти слова, написанные на траурном венке, который воспитанники Лицея возложили на могилу Каткова в 1887 г., очень точно отражают характер отношений, которые складывались между директором и его учениками. Многие воспитанники Лицея становились желанными и частыми гостями в семье Каткова, где всегда находили радушный и сердеч-

ный прием. После окончания они продолжали поддерживать связи со своим учителем, зачастую становились сотрудниками его изданий. В качестве примера можно привести выпускника Лицея – дипломата Ю.С. Карцова, который в 1879–1886 гг. служил в дипломатической миссии в Палестине и Сирии и являлся постоянным корреспондентом «Московских ведомостей» на Ближнем Востоке [62–63].

Одной из главных забот Каткова было стремление избежать распространения среди лицеистов революционной пропаганды. «Заболел ли воспитанник, у меня сердце не на месте, украдет ли в заведение порченый мальчик – новые мучения следить за ним, и, убедившись во вреде от него для окружающей среды, удалять его, причем дело не обходится без тяжелых столкновений с родителями» [43. С. 47–54]. Особое внимание он уделял патриотическому воспитанию, справедливо полагая, что задача учебного заведения состоит не только в том, чтобы давать фундаментальное образование, но и «подготавливать к жизни людей, в которых особенно нуждается наше отечество, людей, которые, в своем звании Русских, были бы в полной силе детьми Европы» [21]. Катков не только не мешал лицеистам интересоваться политическими вопросами, но даже содействовал этому, присылая в лицей каждому классу, начиная с третьего, по экземпляру «Московских ведомостей» и «Русского вестника». В Лицее поощрялись денежные сборы на разные патриотические начинания: сбор средств на Добровольный флот, Красный Крест, пожертвования в поддержку славянских народов Балканского полуострова, подписки в пользу семейств убитых, умерших от ран и изувеченных на поле брани воинов и т.д. Воспитанники Лицея непременно присутствовали на торжественных мероприятиях в дни визита императора и членов его семьи в Москву, причем Катков всегда считал своим долгом заручиться поддержкой высокопоставленных особ и добиться для лицеистов возможности непосредственно наблюдать за происходящим. «Милостивый государь Граф Анатолий Владимирович, – обращался Катков к графу А.В. Орлову-Давыдову, президенту Московской дворцовой конторы, в сентябре 1882 г. во время посещения Москвы Александром II. – Много обязали бы Вы и Лицей, и меня, если бы нашли возможным отвести нашим мальчикам где-нибудь место на хорах или на Ивановской колокольне, чтобы они могли завтра видеть Высочайший выход» [64]. В подобного рода случаях именно высокий чин тайного советника, пожалованный М.Н. Каткову как директору

Лицея, служил своеобразным «пропуском», позволяющим добиваться для учащихся Лицея высокой чести – присутствовать на торжествах. И сам Катков, как ни высоко ценил он любые знаки внимания со стороны императора, в письме к Александру III прямо признавался, что «чин был нужен не столько для меня, сколько для достоинства состоящего под Высочайшим покровительством Лицея» [58. С. 47–51].

Катков продолжал внимательно следить за судьбой своих выпускников и старался помочь даже тем из них, кто становился врагом защищаемых им общественных устоев. Свидетельством могут служить воспоминания выпускника Лицея Д.А. Перелешина, который, еще в юности увлекшись народническими идеями, в 1884 г. был арестован и оказался в Петропавловской крепости. Каткову удалось добиться свидания со своим бывшим воспитанником наедине, что не позволялось ни коменданту крепости, ни прокурору, ни даже священнику, и наверняка стоило ему немалых хлопот. Во время беседы с бывшим учеником журналист пытался понять, каким образом тот мог попасть под влияние радикальных идей, и даже предложил помощь в освобождении, причем без обязательств с его стороны и «безо всякой сделки с совестью». Катков обещал Перелешину заграничный паспорт, полное уничтожение заведенного на него дела и никаких последствий от этого для будущей карьеры, но при условии, что тот даст честное слово, что до окончания курса в университете не будет иметь никаких связей с революционными кружками. «Я имею на это высочайшее разрешение, – твердо сказал Катков. – Я могу вас сейчас же вывести за ворота крепости, и никто Вас не остановит, только дайте честное слово» [65. Т. 11. С. 117–118.]. Можно не сомневаться, что Катков, характер которого отличался прямоотой и был не приспособлен к лицемерию и двуличию, не кривил душой, давая подобные обещания. Надо думать, им двигали совершенно искренние побуждения – спасти оступившегося по ошибке молодого человека и вернуть его к полезной деятельности. Доказательством искренности его слов может служить то, что содержание разговора осталось тайной для следствия. Несмотря на то, что революционер отверг все предложения бывшего наставника, его все же перевели в сухую и теплую камеру: не имея возможности иначе помочь своему бывшему ученику, Катков, как видимо, настоял на более щадящих условиях заключения.

И все-таки Перелешин был, скорее всего, исключением из общего правила, и усилия Каткова, направленные на формирование по-

литической и культурной элиты империи, были достойно вознаграждены: выпускники Лицея, как правило, занимали значительные посты в государстве и становились видными деятелями на различных поприщах. Среди самых известных воспитанников можно назвать патриарха Московского Алексея I, одного из основателей партии кадетов, председателя II Государственной Думы Ф.А. Головина, обер-прокурора Священного Синода А.Н. Волжина, членов Государственного совета В.М. Андреевского, А.Н. Лобанова-Ростовского и Л.А. Георгиевского, предпринимателя и мецената С.Т. Морозова, крупного предпринимателя и общественного деятеля, мецената, депутата Государственной Думы М.Н. Бардыгина, историка С.В. Бахрушина, художника и искусствоведа И.Э. Грабаря, музыковеда К.М. Мазурина, художника А.Я. Головина, военных деятелей В.И. Гаврилова, Г.И. Ностица, А.Н. Орлова, А.П. Шувалова, Н.И. Татищева и многих других. Современники признавали, что «если бы во всех гимназиях так же преподавали и так же воспитывали мальчиков, то действительно Россия обогатилась бы светлыми умами и великими гражданами» [55. С. 296–298].

Даже этот небольшой перечень выпускников Лицея цесаревича Николая подтверждает очевидность и неоспоримость заслуг Каткова как основателя и директора этого учебного заведения. Будучи избавлен как от частного капитала, так и от бюрократических требований Министерства народного просвещения, Лицей сочетал достоинства как частных, так и казенных учебных заведений и стал новаторским учебным заведением, «экспериментальной площадкой», на базе которой проходили апробацию уникальные методики преподавания и воспитания, формировалась интеллектуальная элита России. Высокий чин тайного советника и государственные награды, полученные М.Н. Катковым как директором Лицея, были вполне заслуженной наградой за его «плодотворную деятельность на учебно-воспитательном поприще», а сам Лицей, как одно из лучших учебных заведений дореволюционной России, стал «нерукотворным памятником» своему основателю.

Литература

1. *Алисов П.Ф.* Катков. Женева, 1887.

2. *Касаткин С.* Дорогой памяти М.Н. Каткова от бывших воспитанников Лицея. 20 июня 1891 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 54. Ед. хр. 11.
3. *М-ъ.* Письмо М.Н. Каткову. Москва. 1872 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 42.
4. *Взметнев П.А.* Михаилу Никифоровичу Каткову. 1 января 1866 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 42.
5. *Глинка Ф.Н.* Письмо И.И. Лажечникову. Б.д. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 42.
6. *Станкевич А.В.* Из воспоминаний. Катков // НИОР ГРБ. Ф. 70. К. 94. Ед. хр. 11.
7. *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Москва сороковых годов / Вступ. ст. и коммент. Т.Ф. Пирожковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 157–158.
8. *Еленский О.* Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. 1906. Кн. 10. С. 208–216.
9. *Сементковский Р.И.* М.Н. Катков, его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк. СПб., 1892.
10. *Лесков Н.С.* На смерть Каткова // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. М.: ГИХЛ, 1856–1958.
11. *Кони А.Ф.* Воспоминания о деле Веры Засулич // Собр. соч. в 8 т. М.: Юридическая литература, 1966.
12. *Страхов Н.Н.* Письмо А.А. Фету. Мшатка. 28 июля 1887 г. // А.А. Фет и его литературное окружение: В 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2008.
13. *Бартенев П.И.* Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1912.
14. *Катков М.Н.* Письмо императору Александру II. 1868 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 46.
15. *Адлерберг А.В.* Письмо М.Н. Каткову. СПб. 18 февраля 1868 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 18. Ед. хр. 2.
16. Московские ведомости. 1875. 29 авг. № 221.
17. Приказ о производстве М. Каткова в тайные советники. 22 января 1882 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 56. Ед. хр. 7.
18. Рескрипт о пожаловании ордена Святой Анны первой степени. 15 мая 1883 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 42.
19. Рескрипт о пожаловании ордена Святого равноапостольного князя Владимира второй степени. 30 августа 1886 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 42.
20. *Катков М.Н.* Письмо императору Александру III. 1883 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 45.
21. Передовая статья // Московские ведомости. 1867. 26 сент. № 209.
22. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 16 января 1868 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 26. Ед. хр. 2.
23. Московские ведомости. 1868. 28 февр. № 43.

24. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 22 января 1869 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 26. Ед. хр. 3.
25. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 28 января 1869 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 26. Ед. хр. 3.
26. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 2 марта 1869 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 26. Ед. хр. 3.
27. *Перевалова Е.В.* Лицей цесаревича Николая (1868–1917) – образцовое учебное заведение нового типа // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. История и политология. – М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014. № 2. С. 56–67.
28. Речь, произнесенная М.Н. Катковым в Лицее // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 53. Ед. Хр. 22.
29. *С.У.* <Уманец С.> Мозаика (из старых записных книжек) // Исторический вестник. 1912.
30. *Погодин М.П.* Письмо М.Н. Каткову. 21 декабря 1867 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 24.
31. *Тютчев Ф.И.* Письмо П.М. Леонтьеву. 8 октября 1870 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 11. Ед. хр. 24.
32. *Георгиевский А.И.* Письмо П.М. Леонтьеву. 23 марта 1872 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 2. Ед. хр. 14.
33. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 12 февраля 1871 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 27. Ед. хр. 1. Л. 14–15.
34. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 5 марта 1871 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 32. Л. 49–50.
35. *Маркевич Б.М.* Письмо П.М. Леонтьеву. 25 мая 1873 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 27. Ед. хр. 3. Л. 57–58.
36. *Маркевич Б.М.* Письмо П.М. Леонтьеву. 26 мая 1873 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 27. Ед. хр. 3. Л. 59–60.
37. *Маркевич Б.М.* Письмо П.М. Леонтьеву. 1 июня 1873 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 32. Л. 198–199.
38. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 4 июня 1873 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 32. Л. 199.
39. Передовая статья // Московские ведомости. 1868. 12 янв. № 8.
40. Ложь и правда о М.Н. Каткове как о директоре Лицея цесаревича Николая // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 53. Ед. хр. 24.
41. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 5 ноября 1873 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 32.
42. *Киреев А.А.* Письмо М.Н. Каткову. 2 января 1887 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 23.
43. *Катков М.Н.* Письмо Д.А. Толстому. Б. г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 49. Ед. хр. 68.

44. Годичный акт в Лицее Цесаревича Николая // Московские ведомости. 1871. 15 апр. № 79.
45. Устав Лицея цесаревича Николая // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 53. Ед. хр. 23.
46. Передовая статья // Московские ведомости. 1873. 5 апр. № 85.
47. Катков М.Н. Письмо Александру III. 1886 г. // Былое. 1917.
48. Передовая статья // Московские ведомости. 1881. 11 нояб. № 313.
49. Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906.
50. Достоевский Ф.М. Письмо А.Г. Достоевской. 22 июня 1878 г. // Достоевский Ф.М., Достоевская А.Г. Переписка. М.: Наука, 1979.
51. Александров А. Федор Михайлович Достоевский (страничка воспоминаний) // Светоч и дневник писателя. 1913. № 1. С. 53–56.
52. Драшусова Е.А. Воспоминания // ОРФ Гослитмузея. Ф. 65. Оп. 1. № 25. С. 155–156.
53. Грингмут В.А. Опыт характеристики П.М. Леонтьева и М.Н. Каткова как директоров Лицея цесаревича Николая // Историческая записка имп. Лицея в память цесаревича Николая за 30 лет. М., 1899. С. 529–551.
54. Сементковский Р.И. Среди отошедших // Исторический вестник. 1917.
55. Плансон А.А. Былое и настоящее. СПб., 1905.
56. Катков М.Н. Письма П.М. Леонтьеву // НИОР РГБ. Ф. 120 (Катков). Картон 49. Ед. хр. 37.
57. Извещение от имени попечителя Московского учебного округа о назначении М.Н. Каткова директором Лицея цесаревича Николая. 22 августа 1879 г. Москва // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 56. Ед. хр. 6.
58. Катков М.Н. Письмо Александру III. Февраль 1884 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 46.
59. Вишняков П.М. В катковском лицее. Записки старого пансионера (1875–1882 гг.). М.: Тип. Вильде, 1908–1916.
60. Уманец С. Дорогие покойники // Календарь Императорского Лицея в память цесаревича Николая на 1898–1899 учебный год. М., 1899. С. 727–738.
61. Любимов Н.А. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889. 468 с.
62. Карцов Ю. Письмо М.Н. Каткову. Видин. 23 сентября 1886 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 23. Л. 196–197.
63. Карцов Ю.С. Письмо М.Н. Каткову. Эрзерум. 4 ноября 1883 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 4. Ед. хр. 14.
64. Катков М.Н. Письмо А.В. Орлову-Давыдову. 7 сентября 1882 г. // НИОР РГБ. Ф. 219 (Орловы-Давыдовы). Картон 50. Ед. хр. 43.
65. Перелешин Д.А. Воспоминания народовольца // Звезда. 1973. Кн. 11. С. 117–118.

M.N. KATKOV AS THE DIRECTOR OF THE LYCEUM OF CROWN PRINCE NICHOLAS

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2017. 2. pp. 95–123.

DOI: 10.17223/26188422/2/7

Yelena. V. Perevalova, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: helenpv@yandex.ru

Keywords: M.N. Katkov, *Moskovskie Vedomosti*, Lyceum of Crown Prince Nicholas, director, classical gymnasium.

In the article, the activity of M.N. Katkov, an authoritative Russian journalist, the editor-publisher of the *Moskovskie Vedomosti* newspaper and the *Russkiy Vestnik* magazine, as the director of the Lyceum of Crown Prince Nicholas is considered; his contribution to the foundation and development of this educational institution is analysed. The Lyceum was established by M.N. Katkov in 1868 to prove the need and usefulness of the introduction in Russian gymnasiums of a classical education system which, according to him, most promoted the formation of school children's intelligence and culture. The Lyceum was not only to give fundamental education, but also to form the intellectual elite of Russia: highly educated, devoted to the throne and the Homeland, capable to direct the development of the country in an evolutionary way.

Katkov sought to save the new educational institution from any bureaucratic control from official departments and first of all from the Ministry of National Education. Training in the Lyceum of Crown Prince Nicholas was based on the best domestic and foreign educational experience. It had no state regulation; there was an individual approach to each child. The educational institution enjoyed support and trust of the educated society of the capital; both supporters and opponents of a classical education system considered the Lyceum a model educational institution.

The capital of the educational institution consisted of voluntary charitable public donations and tuition fees. Later a government subsidy was allocated to the Lyceum, which became the reason M.N. Katkov was accused of personal interest and of expediture of the funds given to the Lyceum for his own needs. The analysis of documentary sources proved that these accusations were unfair. The educational and financial activities of the Lyceum were based on the principle of openness and publicity: all the money was strictly accounted and was subject to checks from supervisory authorities. Reports on the financial activity of the Lyceum were annually published in the *Moskovskie Vedomosti* newspaper. The analysis of documents confirms that M.N. Katkov did not pursue commercial benefit, considered working in the Lyceum as public work and often gave his own money to the educational institution.

It is determined that M.N. Katkov responsibly executed his duties of the director of the Lyceum and paid much attention to their academic and patriotic education, thanks to which a whole group of state and public figures of Russia graduated from the Lyceum. The high rank of the privy councilor and the state awards M.N. Katkov received as the director of the Lyceum were quite a well-deserved reward for the "fruitful activity in the teaching and educational field".

References

1. Alisov, P.F. (1887) *Katkov*. Geneva: [s.n.].

2. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 54. Unit 11. Kasatkin, S. (1891) *Dorogoy pamyati M.N. Katkova ot byvshikh vospitannikov Litseya. 20 iyunya 1891 g.* [To the dear memory of M.N. Katkov from the former pupils of the Lyceum. June 20, 1891].
3. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 42. M-". (1872) *Pis'mo M.N. Katkovu* [Letter to M.N. Katkov]. Moscow.
4. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 42. Vzmetyev, P.A. (1866) *Mikhailu Nikiforovichu Katkovu. 1 yanvarya 1866 g.* [To Mikhail Nikiforovich Katkov. January 1, 1866].
5. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 42. Glinka, F.N. (n.d.) *Pis'mo I.I. Lazhechnikovu* [Letter to I.I. Lazhechnikov].
6. Russian State Library Manuscript Department. Fund 70. Box 94. Unit 11. Stankevich, A.V. (n.d.) *Iz vospominaniy. Katkov* [From memories. Katkov].
7. Chicherin, B.N. (1997) *Vospominaniya. Moskva sorokovykh godov* [Memories. Moscow of the forties]. Moscow: Moscow State University . pp. 157–158.
8. Elenskiy, O. (1906) *Mysli i vospominaniya polyaka* [The thoughts and memories of a Pole]. *Russkaya starina*. 10. pp. 208–216.
9. Sementkovskiy, R.I. (1892) *M.N. Katkov, ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost': Biograficheskiy ocherk* [M.N. Katkov, his life and literary activity: Biographical sketch]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
10. Leskov, N.S. (1956–1958) *Na smert' Katkova* [On the death of Katkov]. In: *Sobranie sochineniy: V 11 tt.* [Works: in 11 vols]. Vol. 11. Moscow: GIKhL.
11. Koni, A.F. (1966) *Vospominaniya o dele Very Zasulich* [Memories of the case of Vera Zasulich]. In: *Sobr. soch. v 8 tt.* [Works: in 9 vols]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
12. Strakhov, N.N. (2008) *Pis'mo A.A. Fetu. Mshatka. 28 iyulya 1887 g.* [Letter to A.A. Fet. Mshatka. July 28, 1887]. In: Dinesman, T.G. (ed.) *A.A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie: V 2 tt.* [A.A. Fet and his literary environment: In 2 vols]. Moscow: IWL RAS.
13. Bartenev, P.I. (1912) *Iz zapisnoy knizhki "Russkogo arkhiva"* [From the notebook of Russkiy arkhiv]. *Russkiy arkhiv*.
14. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 46. Katkov, M.N. (1868) *Pis'mo imperatoru Aleksandru II* [Letter to Emperor Alexander II].
15. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 18. Unit 2. Adlerberg, A.V. (1868) *Pis'mo M.N. Katkovu. St. Petersburg 18 fevralya 1868 g.* [Letter to M.N. Katkov. St. Petersburg. February 18, 1868].
16. *Moskovskie vedomosti*. (1875) 29 August. 221.
17. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 56. Unit 7. *Prikaz o proizvodstve M. Katkova v taynye sovetniki. 22 yanvarya 1882 g.* [Order on the awarding M. Katkov the title of privy councillor. January 22, 1882].
18. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 42. *Reskript o pozhalovanii ordena Svyatoy Anny pervoy stepeni. 15 maya 1883 g.* [Rescript about the award of the Order of St. Anne of the first degree. May 15, 1883].
19. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 42. *Reskript o pozhalovanii ordena Svyatogo Ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira vtoroy*

stepeni. 30 avgusta 1886 g. [Rescript about the award of the Order of St. Prince Vladimir of the second degree].

20. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 45. Katkov, M.N. (1883) *Pis'mo imperatoru Aleksandru III* [Letter to Emperor Alexander III].

21. *Moskovskie vedomosti*. (1867) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 26 September. 209.

22. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 26. Unit 2. Markevich, B.M. (1868) *Pis'mo M.N. Katkovu. 16 yanvarya 1868 g.* [Letter to M.N. Katkov. January 16, 1868].

23. *Moskovskie vedomosti*. (1868) 28 February. 43.

24. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 26. Unit 3. Markevich, B.M. (1869) *Pis'mo M.N. Katkovu. 22 yanvarya 1869 g.* [Letter to M.N. Katkov. January 28, 1869].

25. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 26. Unit 3. Markevich, B.M. (1869) *Pis'mo M.N. Katkovu. 28 yanvarya 1869 g.* [Letter to M.N. Katkov. January 28, 1869].

26. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 26. Unit 3. Markevich, B.M. (1869) *Pis'mo M.N. Katkovu. 2 marta 1869 g.* [Letter to M.N. Katkov. March 2, 1869].

27. Perevalova, E.V. (2014) Lyceum of Crown Prince Nicholas (1868-1917): an exemplary institution of a new type. *LOKUS: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly. Vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova. Istoriya i politologiya*. 2. pp. 56–67. (In Russian).

28. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 53. Unit 22. *Rech', proiznesennaya M.N. Katkovym v Litsee* [Speech by M.N. Katkov in the Lyceum].

29. S.U. <Umanets, S.> (1912) *Mozaika (iz starykh zapisnykh knizhek)* [Mosaic (from old notebooks)]. *Istoricheskiy vestnik*

30. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 24. Pogodin, M.P. (1867) *Pis'mo M.N. Katkovu. 21 dekabrya 1867 g.* [Letter to M.N. Katkov. December 21, 1867].

31. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 11. Unit 24. Tyutchev, F.I. (1870) *Pis'mo P.M. Leont'evu. 8 oktyabrya 1870 g.* [Letter to P.M. Leontiev. October 8, 1870].

32. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 2. Unit 14. Georgievskiy, A.I. (1872) *Pis'mo P.M. Leont'evu. 23 marta 1872 g.* [Letter to P.M. Leontiev. March 23, 1872].

33. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 27. Unit 1. Pages 14–15. Markevich, B.M. (1871) *Pis'mo M.N. Katkovu. 12 fevralya 1871 g.* [Letter to M.N. Katkov. February 12, 1871].

34. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 32. Pages 49–50. Markevich, B.M. (1871) *Pis'mo M.N. Katkovu. 5 marta 1871 g.* [Letter to M.N. Katkov. March 5, 1871].

35. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 27. Unit 3. Pages 57–58. Markevich, B.M. (1873) *Pis'mo P.M. Leont'evu. 25 maya 1873 g.* [Letter to P.M. Leontiev. May 25, 1873].

36. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 27. Unit 3. Pages 59–60. Markevich, B.M. (1873) *Pis'mo P.M. Leont'evu. 26 maya 1873 g.* [Letter to P.M. Leontiev. May 26, 1873].
37. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 32. Pages 198–199. Markevich, B.M. (1873) *Pis'mo P.M. Leont'evu. 1 iyunya 1873 g.* [Letter to P.M. Leontiev. June 1, 1873].
38. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 32. Page 199. Markevich, B.M. (1873) *Pis'mo M.N. Katkovu. 4 iyunya 1873 g.* [Letter to M.N. Katkov. June 4, 1873].
39. *Moskovskie vedomosti.* (1868) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti.* 12 January. 8.
40. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 53. Unit 24. *Lozh' i pravda o M.N. Katkove kak o direktore Litseya tsesarevicha Nikolaya* [Lies and the truth about M.N. Katkov as a director of the Lyceum of Tsarevich Nicholas].
41. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 32. Markevich, B.M. (1873) *Pis'mo M.N. Katkovu. Sankt-Peterburg. 5 noyabrya 1873 g.* [Letter to M.N. Katkov. St. Petersburg. November 5, 1873].
42. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 23. Kireev, A.A. (1887) *Pis'mo M.N. Katkovu. 2 yanvarya 1887 g.* [Letter to M.N. Katkov. January 2, 1887].
43. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 49. Unit 68. Katkov, M.N. (n.d.) *Pis'mo D.A. Tolstomu* [Letter to D.A. Tolstoy].
44. *Moskovskie vedomosti.* (1871) *Godichnyy akt v Litsee Tsesarevicha Nikolaya* [A one-year act in the Lyceum of Crown Prince Nicholas]. *Moskovskie vedomosti.* 15 April. 79.
45. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 53. Unit 23. *Ustav Litseya tsesarevicha Nikolaya* [The Charter of the Lyceum of Crown Prince Nicholas].
46. *Moskovskie vedomosti.* (1873) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti.* 5 April. 85.
47. Katkov, M.N. (1917) *Pis'mo Aleksandru III. 1886 g.* [Letter to Alexander III]. *Byloe.*
48. *Moskovskie vedomosti.* (1881) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti* 11 November. 313.
49. Kartsov, Yu.S. (1906) *Sem' let na Blizhnem Vostoke. 1879–1886. Vospominaniya politicheskie i lichnye* [Seven years in the Middle East. 1879–1886. Memories, political and personal]. St. Petersburg: Brokgauz-Efron.
50. Dostoevsky, F.M. & Dostoevskaya, A.G. (1979) *Perepiska* [Correspondence]. Moscow: Nauka.
51. Aleksandrov, A. (1913) Fedor Mikhaylovich Dostoevskiy (stranichka vospominaniy) [Fedor Mikhailovich Dostoevsky (page of memoirs)]. *Svetoch i dnevnik pisatelya.* 1. pp. 53–56.
52. Rare Funds Department of the State Literature Museum (ORF Goslitmzeya). Fund 65. List 1. Unit 25. pp. 155–156. Drashusova, E.A. (n.d.) *Vospominaniya* [Memoirs].

53. Gringmut, V.A. (1899) Opyt kharakteristiki P.M. Leont'eva i M.N. Katkova kak direktorov Litseya tsesarevicha Nikolaya [Experience of characteristics of P.M. Leontiev and M.N. Katkov as directors of the Lyceum of Crown Prince Nicholas]. In: *Istoricheskaya zapiska imp. Litseya v pamyat' tsesarevicha Nikolaya za 30 let* [Historical note of the imperial Lyceum in memory of Prince Nicholas for 30 years]. Moscow. pp. 529–551.
54. Sementkovskiy, R.I. (1917) Sredi otoshedshikh [Among the gone]. *Istoricheskii vestnik*.
55. Planson, A.A. (1905) *Byloe i nastoyashchee* [The past and the present]. St. Petersburg: [s.n.].
56. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120 (Katkov). Box 49. Unit 37. Katkov, M.N. (n.d.) *Pis'ma P.M. Leont'evu* [Letters to P.M. Leontiev].
57. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 56. Unit 6. *Izveshchenie ot imeni popechitelya Moskovskogo uchebnogo okruga o naznachenii M.N. Katkova direktorom Litseya tsesarevicha Nikolaya. 22 avgusta 1879 g. Moskva* [Notice on behalf of the trustee of the Moscow Academic District on the appointment of M.N. Katkov director of the Lyceum of Crown Prince Nicholas. August 22, 1879. Moscow].
58. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 46. Katkov, M.N. (1884) *Pis'mo Aleksandru III. Fevral' 1884 g.* [Letter to Alexander III. February 1884].
59. Vishnyakov, P.M. (1908–1916) *V katkovskom litsee. Zapiski starogo pansionera (1875–1882 gg.)* [In Katkov's lyceum. Notes of the old boarder (1875–1882)]. Moscow: Tip. Vil'de.
60. Umanets, S. (1899) Dorigie pokoyniki [Dear deceased]. In: *Kalendar' Imperatorskogo Litseya v pamyat' tsesarevicha Nikolaya na 1898–1899 uchebnyy god* [The calendar of the Imperial Lyceum in memory of Crown Prince Nicholas in the 1898–1899 school year]. Moscow: Strastnoy bul'var.
61. Lyubimov, N.A. (1889) *Katkov i ego istoricheskaya zaslug*a [Katkov and his historical merit]. St. Petersburg: [s.n.].
62. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 23. Pages 196–197. Kartsov, Yu.S. (1886) *Pis'mo M.N. Katkovu. Vidin. 23 sentyabrya 1886 g.* [Letter to M.N. Katkov. Vidin. September 23, 1886].
63. Russian State Library Manuscript Department. Fund 120. Box 4. Unit 14. Kartsov, Yu.S. (1883) *Pis'mo M.N. Katkovu. Erzerum. 4 noyabrya 1883 g.* [Letter to M.N. Katkov. Erzurum. November 4, 1883].
64. Russian State Library Manuscript Department. Fund 219 (Orlovs-Davydovs). Karton 50. Unit 43. Katkov, M.N. (1882) *Pis'mo A.V. Orlovu-Davydovu. 7 sentyabrya 1882 g.* [Letter to A.V. Orlov-Davydov. September 7, 1882].
65. Pereleshin, D.A. (1973) *Vospominaniya narodovol'tsa* [Memoirs of a Narodovolets]. *Zvezda*. 11. pp. 117–118.